

ПУТЕШЕСТВИЯ "ЦИРКА" ОЛИМП

1996 N8

как курьезный, но симпатичный персонаж, искренне недоумевающий, отчего его молодая жена все время хочет есть, буквально каждый день, и почему она ходит так громко. Вокруг Охапкина сложилось множество легенд, ибо сам стиль его жизни, который можно определить как безоглядно, нарочито, подчеркнуто поэтический, предполагал самые невероятные житейские и интеллектуальные ситуации, возникавшие на границах жизни и литературы, и чреватые постоянными пограничными конфликтами, то и дело переходящими в настоящую беспощадную войну высокого поэтического слова с унижительной реальностью.

Легендарный характер поэтической биографии Охапкина отметил даже такой нечуткий к чужим стихам автор, как Евгений Евтушенко, написавший в своей антологии "Строфы века" об Олеге Охапкине следующее: "С детства был окружен сочиненной по поводу его рождения легендой - о том, что, по предсказанию Иоанна Кронштадтского (в наше время канонизированного), в тяжкий для России час явится дивный отрок - и т.д. Подростком пел в церковном хоре, потом резко порвал с церковью, - по сложившейся легенде - то ли по правде? - в 1965 году, когда уже давно писал стихи, на пустой колокольне повстречался с Иосифом Бродским, что в корне изменило его судьбу..."

Вряд ли судьба Охапкина изменилась благодаря именно этой встрече, которая, кстати, на самом деле произошла много позже, в конце 60-х, когда стихи Олега уже были известны в широких кругах и любимы многими. Более того, есть основания полагать, что ритмические эксперименты Иосифа Бродского с силлабо-тонической прасодией в начале 70-х возникли в результате общения с Охапкиным, обратившимся еще с середины 60-х к допушкинской русской поэтической традиции 17-18 века, что обусловлено было глубинной религиозной окрашенностью его поэзии.

Замешанная на идеях евразийства, пронизанная православными мистическими токами и какафоническими голосами современности, поэзия Олега Охапкина изобилует необыкновенно точными формулами, способными и сегодня прояснить смутные моменты нашего прошлого и настоящего. Вот, к примеру, стихи, написанные четверть века назад на смерть патриарха Алексия:

Нет, не случайно в сей час почил
Старец-владыко.
Есть времена - их Господь отличил
Грозным стечением небесных светил:
Там, где двуглавый орел когтил -
Нарывала гвоздика.

Сейчас, когда, по смерти митрополита Иоанна, вслушиваешься в эти строки, остается лишь удивляться утраченному нами за эти двадцать пять лет чувству истории, которое давало возможность поэту видеть глубокую генетическую связь язв русского самодержавия с ранами

революции, что, к сожалению уже не очевидно для большинства наших современников - для них октябрь 1917 или досадная случайность, или результат внешнего заговора "русифобов" против православия.

Олег Охапкин - пожалуй, самый ортодоксальный православный поэт последних десятилетий, но при этом (или, наоборот, в силу этого) он остается свободен от жестких конфессиональных шор, от национальной гордыни, от все более распространяющейся ксенофобии. Вот что он говорит сам о себе:

Неужто азиат?
Нет, россиянин ты.
Тому свидетель мат
Отменной чистоты...

Европа? То - уклон.
Монголы? Экий срам!
Не к немцу ль на поклон?
В Царьград, в Софию, в Храм!

А то и на восток
За Обь, в Сибирь, в Сибирь!
Милиции свисток,
Байкал и Анадырь...

А то и Кольма...
Оттолк возврата нет.
Вселенская тюрьма,
Привет тебе, привет!

В этих стихах предельно напряжена граница между пафосом и иронией. Серьезность поэтического высказывания достигает такого накала, что превращается в свою противоположность, обретает горько-иронические обертона. Так складывается новая эстетика - эстетика тотальной непримиримости, где торжествует душераздирающая стилистическая поляризация, диковатое соединение крайне архаизованной одической традиции с самым что ни на есть грубо-совковым просторечием. Все это позволяет соотносить стихи Охапкина с русской поэзией 18 века, с поэтикой "сближения далековатостей", свойственной и М.Ломоносову, и - гораздо в большей степени - Г.Державину. И самоотверженный поэтический труд Охапкина увенчала награда, в высшей степени соотносимая с направлением его работы - первая Державинская премия.

(окончание следует)

МОНОЛОГИ "ЦИРКА" ОЛИМП

ГЕНРИХ САПГИР: "Я ЕГО ВСЕ РАВНО УВИДЕЛ"

Случилось так, что известный российский поэт Генрих Сапгир отправился 27 января в Нью-Йорк с группой представителей различных искусств по приглашению некоего российско-американского культурного фонда. Отправился поэт себя показать, стихи прочитать, людей посмотреть, тем более, что чуть ли не четверть уехавших в разное время в Новый Свет - его знакомые. А в ночь на 28-е в этом самом городе скончался один из крупнейших поэтов XX века Иосиф Бродский...

- Я прилетел туда, переночевал, а утром хотел позвонить Иосифу...

Мы с ним были старинные знакомые, очень близко общались. Ну а потом, как это бывает, жизнь развела. После того, как он побывал в ссылке, мы не виделись, и встретились уже году в 1990 в Белграде на таких литературных

"октябрьских встречах".

Познакомились мы в 59-м. Ему тогда было лет девятнадцать. Я впервые приехал в Питер как посланник неофициальной Москвы и познакомился со многими неофициальными поэтами Ленинграда. Например, с Горбовским, с Рейном, с Найманом, с Илейей Авербахом (он тогда писал стихи, это потом уже стал известным кинорежиссером), с другими...

С Бродским мы общались несколько лет вплоть до его ссылки. То он в Москву приезжал, то я в Питер. Встречались, читали стихи на разных квартирах.

Помню, незадолго до его ссылки я приезжал в Ленинград, он жил в коммуналке с родителями, я приходил к ним обедать. Его мама говорила, что было бы хорошо, если бы Иосиф, как и я, начал зарабатывать детскими стихами, как-то устроился... Он, кстати, писал детские стихи, книжечка какая-то была издана, мультфильм как-то был с его стихами. Нельзя сказать, что он не пробовал заниматься литературной поденщиной, что был герметичен по отношению к реальности.

Последний раз перед ссылкой мы виделись в Москве. Я жил тогда в десятиметровой комнате напротив ресторана "Якорь" в переулке Александра Невского. В эту комнату, весьма посещаемую в те годы, иногда набивалось более тридцати человек. Вообще тогда, в 60-х, все мы чаще и больше общались. Так вот, Иосиф пришел ко мне, сказал, что скоро, вероятно, будет суд...

А потом я уже увидел Бродского через много-много лет в Белграде.

Это был пожилой господин. Ироничный. И, в первую очередь, по отношению к самому себе. Такая защита от активности окружающего мира. И вдруг какие-то детские прорывы, детское озорство. Например, на собственном авторском вечере он читал стихи, конечно, по-русски, а вот на вопросы профессора Ивановича отвечал только по-английски, таким образом, видимо, подчеркивая, что он не из России приехал, а из Америки. Такое вот детское, вызывающее бравирование.

Или - американский посол в Белграде устроил прием в честь Бродского. Я с ним поехал, но сказал, что должен буду уйти пораньше, так как меня пригласили почитать стихи в этот же вечер в одном музее. Там должны были также выступать разные советские поэты. И Иосиф сказал: "Правильно, иди, зачем им оставлять площадку".

...Утром 28 января я собирался позвонить Иосифу, а спустившись в гостиницу вниз, узнал, что как раз этой ночью он умер.

Я его все равно увидел. Вечером один наш знакомый привел меня и Марину Кудимову (с которой мы были в Нью-Йорке) во Funeral Home, где тело Бродского было выставлено для прощания с ним. На меня это произвело тяжелое впечатление. Это был уже не он.

Кстати, наш приятель сфотографировал нас с Иосифом. А делать это там строжайше запрещено. Такая вот память осталась. Конечно, публиковать я эту фотографию не собираюсь.

А на похоронах я не был. Очень плотная программа была в Нью-Йорке. Выступления, встречи, интервью...

Записал монолог Александр
Макаров-Кротков

Ю.Евлампьев. Увиденное (12 листов), лист 12. 1993.
Черно-белая фотография. 18x24 см

15